

Зуев Михаил Иванович,
историк (Псков)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИЗЯЩНЫХ МАСТЕРОВ: БРАТЬЯ ФОФАНОВЫ

Имя Ианикиты Федорова сына Фофанова Псковитина не вовсе забыто в славянском мире. Исследователи старопечатных книг XVI-XVII вв. знают его и как одного из первых русских полиграфистов, и как создателя, казалось бы, простого, но изысканного *никитинского* шрифта, а кое-кто из знатоков древнерусской литературы – и как удивительного публициста, четыре столетия назад вызвавшего к современникам: *просвещайся, просвещайся, Русская земля!*¹ Помнят и о том, что Никита Фофанов (так обычно именуют его нынешние учёные) в 1611 г. вывез из осаждённой Москвы в Нижний Новгород спасённую им *штанбу* (типографию), а по указу правительства молодого царя Михаила Фёдоровича вернулся с ней в столицу не позднее весны 1614 г. и возобновил печатание в новых деревянных хоромах².

Однако, ещё не осмыслены обстоятельства вызволения громоздкого и дорогостоящего оборудования штанбы (включая нужный всем воителям свинец) из выжженной поляками столицы. Где Ианикита раздобыл деньги и коней для своего опасного предприятия? Кто помогал ему и сопровождал обоз? Как эти отважные люди смогли преодолеть грязно-кровавое море интервенции и гражданской войны, разделявшее недужную Москву и сравнительно благополучный Нижний? Да и почему, собственно говоря, они отправились туда, а не в другое, более спокойное, ме-

сто?³ Не задумываясь над частностями, историки и популяризаторы нашей культуры не придают особого значения и вполне очевидным фактам: во-первых, именно этот мастер был коренником в трудовой упряжке, провёзшей единственную уцелевшую российскую типографию сквозь пекло Великой Смуты; во-вторых, именно Ианикита Фофанов со своими товарищами и учениками возродил отечественное книгопечатание!

Уберёгший Книгу, сберегал и память предков, и пратеческую веру, и надежду на возрождение России. Подвиг Ианикиты, совершённый из любви к небесному и земному Отечеству, вряд ли осознавался им как таковой. Книжник просто делал то, что любил и считал должным. Так, в нижегородском издании 1613 г. он оценивал книгу *яко некую духовную кормлю... на оутвержение истинныя непорочныя християньския веры и на спасение роду ч(е)л(о)в(е)ческому*⁴. Православные учителя различали подвиги телесные, умственные, душевные – и подвиг веры, ставя его превыше других, ибо он не растит в человеке смертного греха гордыни, но *оживляет Бога для человека... Верю возвеличь в себе Бога, и Он возвеличит тебя безстрастием и духовным разумом*⁵. В нижегородской одиссее и других деяниях Ианикиты Фёдоровича, в его сочинениях отчётливо прослеживаются первоосновы всех видов подвига, и мы вправе возвеличить его как одного из светлых русских людей, защитивших Отечество, его самостояние и идеалы во *времена смутные*, – наравне с Кузьмой Мининым и князем Д. М. Пожарским.

И всё же удивительные и поучительные труды и дни мастера ещё не изучены; они заслуживают большой отдельной книги. Здесь же должен быть назван, по крайней мере, один из его сподвижников – Иван Фёдоров сын Фофанов, родной брат Ианикиты, искусный гравёр, резчик и словолитец при Московском печатном дворе, умерший в октябре (?) 1646 г.⁶ Между прочим, *никитинский шрифт* был в силах придумать и изготовить как раз Иван – или оба брата вместе! Вообще, знакомясь с житьём-бытьём братьев, поневоле приходишь к предположению об их

взаимозаменяемости: то, что умел делать один —умел и другой. Правда, Иван мог злоупотреблять крепкими напитками; однажды его даже отстранили от работы, *что он почал бражничать* (22.ХII.1628 – 7.Ш.1629 г.)⁷.

А вот разнообразие дарований псковичей удивляет, но не изумляет. Длительное исследование псковских письменных источников и памятников материальной культуры убеждает, что несмотря на государевы *выводы* псковичей 1510 и 1569 гг., тягостную и кровопролитную Ливонскую войну 1558-1583 гг. и другие бедствия, разорившие и едва не обезлюдившие многострадальную Псковщину, уцелевшие местные мастера продолжали создавать надёжные и красивые каменные сооружения, чудные иконы и изразцы, надгробия и зелье (порох), звонкие и нарядные колокола и, возможно, даже пушки. К слову сказать, крупное литьё являлось вершинным достижением старой науки, наиболее ярким проявлением технологически сложных ремёсел⁸. Славилась и ювелиры-*серебряники*, причём псковская резьба по серебру оказала наибольшее влияние на творчество серебряников Русского Севера⁹.

Технические приёмы резьбы применялись не только при изготовлении большого ряда ювелирных изделий, но и каменных и глиняных надгробий, изразцов, в колокольном и пушечном деле, в книгопечатании. Так, чтобы на колоколе появились отлитые вместе с ним выпуклые изображения и надпись, псковский резчик вырезал их на плоской каменной плитке – матрице, затем, заливая углубления горячим медным сплавом, получал выпуклые матрицы изображений и букв, которые использовались для получения вогнутого оттиска на внутренней поверхности верхней формы – кожуха – готовящегося к отливке колокола; после отливки колокол приобретал лёгкие барельефные украшения в виде изображений и текста¹⁰.

Уже в XIV-XV вв. резьба и литьё во Пскове приобрели исключительное значение; об этом свидетельствуют и результаты археологических изысканий¹¹. Даже в XVI столетии, после присоединения Псковской земли к Моск-

ве, втягивавшей в себя множество необходимых ей специалистов, Псков оставался мощным и самобытным средоточием резного и литейного дел, развивавшихся рука об руку. Очевидно, кое-кто из литейщиков малых форм (например, серебряники) владел приёмами резьбы по камню, и наоборот: иной резчик, изготовивший форму, сам умел отлить в ней небольшую поделку – пулю, нательный крест и т. п. Создаётся впечатление, что **едва ли не каждый житель нашего города знал, как это делается**¹².

Так что псковским мальчишкам Анике и Ване было у кого учиться. Но кто же был их отцом? – Оказывается, ответить на этот вопрос не невозможно.

После Ливонской войны государство произвело описание Пскова и его пригородов, позволявшее судить о количестве и качестве используемой и запустевшей земли в городах и сельской местности, о составе и численности взрослого мужского населения и женщин – самостоятельных хозяек, о церковных и монастырских общинах, – с целью их налогообложения и привлечения к государственным повинностям (в частности, к военной службе) и предоставления некоторых льгот, способствующих восстановлению населения и пострадавшего от войны хозяйства. К счастью, многие из писцовых книг 1584/85-1586/87 гг. сохранились.

И что же? В описании Иконного ряда Большого псковского торгога значится в числе лавок и торговых мест *кл(еть) григорьевского дьячка съ Петровские улицы Фетки Фофанова, оброку [платит за год] 5 алтынъ*¹³. – В сонмище обитателей области, носивших очень распространённое имя *Фетка* (Федька = Мефодий, Феодор, Феодорит, Феодосий, Феодот, Феодох, Феодул, Феоктист и др.), лишь один имел отчество *Фофанов*. Без сомнения, это и есть отец московского книгопечатника Ианикиты Фёдорова сына Фофанова Псковитина и резчика-словолитца Ивана Фёдорова сына Фофанова. Конечно, мальчишки сызмала бегали на Петровскую улицу к отцу на службу и в клеть в Иконном ряду, где *торгуют медомъ и воскомъ*¹⁴. Клеть использовались как хранилища товаров и торговые места;

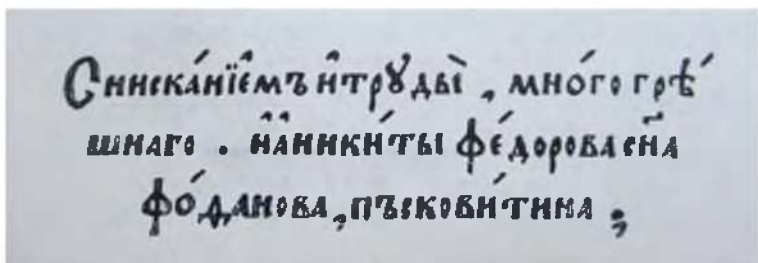
похоже, иногда в них располагались и небольшие ремесленные мастерские. Не здесь ли получили первые уроки ремесла дети дьячка Фёдора?

О псковских дьячках того времени известно немного, но это немного вызывает уважение: они защищали отчий край при нашествии короля Стефана Батория и *многих орд*, участвовали в возрождении порушенных святынь и крепостей, обучали детей грамоте и даже писали книги¹⁵.

Думается, почти то же можно сказать о Фёдоре Фофанове, который наверняка сам школил сыновей и знакомил их с начатками ремёсел. Такая точка зрения косвенно подкрепляется и уверенностью автора этих строк в широкой и весьма основательной технологической осведомлённости псковичей XVI века, и предположением о происхождении Фёдора от дьякона церкви Георгия со Взвоза Феофана, державшего тогда же лавку в Большом Щепетинном и клеть в Рукавичном – Льяном рядах¹⁶.

В свою очередь, старый дьякон Феофан, вековавший у стен родного храма, некогда руководствовался наставлениями священника этого храма Михаила Андреева, славнейшего русского колокольного мастера 1-й половины столетия¹⁷. Видно, юный Фофан (Феофан) в своё время не сделался *колокольником*, зато стал *щепенником*, работавшим деревянный резной (щепенный) товар и *щепетинье* (булавки, иголки, крючки, колечки, пуговицы, серёжки и т. п. женские мелочи, в т. ч. литые)¹⁸. Дождавшись внуков, он, скорее всего, захотел приучить их к привычному ремеслу. Недаром говорится: *каково семя, таково и племя*. И ещё: *от яблоньки – яблочки, от елушечки – шишки*. Как бы то ни было, становление молодых умельцев произошло во Пскове. После перевода в Москву они, естественно, сблизились с сообществом земляков, предпочитавших селиться, по возможности, на привычных местах (ул. Варварка, Псковская горка; Сретенская ул.)¹⁹. Не исключено, что Ианикита, страстно увлечённый книгами, сам устремился в стольный град, где открывались новые возможности для книжного дела, а позже к нему перебрал-

ся Иван, предпочитавший освящённое веками искусство.
Продолжение следовало...

(Концовка нижегородского сочинения Н. Ф. Фофанова. 1613 г.)

*Река времён в своём стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.²⁰*

Мне довелось посетить немало библиотек и хранилищ старопечатных и рукописных книг. И тягостное чувство не оставляет, тревожит меня: я не припомню, что где-либо в России есть Фофановская библиотека, напоминающая хотя бы именем о подвиге братьев-псковичей, возродивших РУССКУЮ КНИГУ. Нет, конечно, и Фофановских чтений. Кто-кто, а уж библиотекари, обязанные книге самим своим делом, должны особенно чтить этих славных книжников. – Не чтят, не помнят... – Неужели и это прошло, и книга уже написана, и продолжения не будет?... А если это не так, то именно во Пскове должна проводиться ежегодная встреча под названием: **Кирилло-Мефодиевские традиции в Пскове. Фофановские чтения.**

¹ Дёмин А. С. Писатель и общество в России XVI-XVII веков. М., 1985. С. 37-41; Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 9, 63, 93, 189, 193-196 и вклеен. листы 3-7 (Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.)); Рогов А. И. Книгопечатание // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 2. М., 1979. С. 155, 157-158, 165-166 [далее: ОРК...].

² Ныне Православная церковь почитает двух мучеников, носящих имя Аникита, и ещё одного, со сходным именем Ианикит, а также нескольких святых с именем Никита. В древних псковских календарях встречается лишь антропоним Никита (4 мая и 15 сентября). Сам мастер именовал себя: *Ианикита*. – Ср.: Шапов Я. Н. Календарь в псковских рукописях XV-XVI вв. // Труды Отдела древнерусской литературы (ИРЛ АН СССР). Т. XXXVII. Л., 1983. С. 175, 179; Православный церковный календарь, 1993. М., 1992. С. 60, 63, 66.

³ Не следует забывать, что в Нижнем Новгороде и его уезде была расселена часть выведенных в 1510 г. (и в 1569 г.?) псковичей, и Фофановы могли быть связаны с некоторыми из их потомков // Зуев М. И. Наши казаки [готовится к публикации].

⁴ Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.). М., 1981. Вклеен. листы 7 об. – 8.

⁵ Игнатий (Брянчанинов), епископ. Письма о подвижнической жизни. Париж; Москва, 1996. С. 157.

⁶ Русский биографический словарь. Т. *Фабержь – Цявловский*. СПб., 1901; М., 1999. С. 211.

⁷ Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры, 1618-1652 гг. М., 2001. С. 508 и 124, 126, 204, 273, 279, 296, 367.

⁸ См., например: Бобров Ю. Г., Ткачёва Н. М. Псковская школа живописи в XVI веке // Древний Псков : История. Искусство. Археология : Новые исследования. М., 1988. С. 236-268; Кужелева Л. Н. Памятники Северной войны в Артиллерийском историческом музее // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып. 4. Л., 1959. С. 76; ОРК... Ч. 1 и 2. Страницы по указателю в ч. 2: 434-435; Плешанова И. И. Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. VI. М., 1966. С. 149-206 и др. [далее: НЭ]; Она же. Каменные надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // НЭ. XII. М., 1978. С. 64 и др.;

Она же. Колокола псковских литейщиков XVI – начала XVII в. // Колокола. История и современность. М., 1985. С. 104-119; Спегальский Ю. П. Псков. Л., 1978. С. 54-72; Зуев М. И. Состав отраслей ремесленного производства в Пскове конца XVI – середины XVII вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1984. С. 26-28; Он же. Колокола псковского мастера Логина Семёнова // Земля Псковская, древняя и современная. Псков, 1991. С. 32.

⁹ Постникова-Лосева М. М. Серебряное дело Пскова XVI-XVII веков // Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. М., 1968. С. 166 [далее: ДРИ]. – Об артистическом превосходстве псковских резчиков по серебру Мария Михайловна говорила и в частных беседах. – Ср.: Зуев М. И. Каменное надгробие Нащокиных из Острова // Земля Псковская... Псков, 1992. С. 4-6.

¹⁰ Оловянишников Н. И. История колоколов и колокололитейное искусство. М., 2003. С. 408-412; Зуев М. И. Надписи на псковских колоколах как памятники эпиграфики и исторический источник // Псков. Памяти Юрия Павловича Спегальского, 1909-1969. Псков, 1999. С. 156, 159.

¹¹ См., например: Волочкова О. К. Женские украшения псковичей // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков, 1992. С. 100; Королёва Э. В. Каменные иконки из коллекций Пскова // Археология и история Пскова... : Материалы 50 научного семинара. Псков, 2004. С. 116.

¹² В подтверждение этой мысли можно привести не только огромное количество археологических свидетельств, но и наблюдения за бытованием укоренившихся в некоторых краях старинных промыслов: так, в местечках Галиции люди разных профессий в свободное время тачают добротную обувь; мои двоюродные деды, жившие на границе нынешних Псковской, Смоленской и Витебской областей, валяли очень хорошие валенки и были сведущи сразу в нескольких ремёслах.

¹³ Сборник Московского архива Министерства Юстиции. Т. 5. М., 1913. С. 53 [далее: Сб. МАМЮ]. – Григорьевская церковь во Пскове исследователям не известна. Думается, что во имя св. Григория был освящён престол-придел к одному из храмов древней Петровской улицы (ныне ул. Карла Маркса). Или так звалась маленькая деревянная церковь на Ниве? – Там же. С. 36.

¹⁴ Там же. С. 52. – Иконный ряд тянулся от Большого торгога к Ниве. Он вписывается в ту часть Пскова, осью которой является ул. Карла Маркса.

¹⁵ Зуев М. И. Наши казаки. – О дьячке Матфее Степанове, современнике Фофановых, см. в моей статье: *Записи на псковских рукописных книгах XVI в. из собрания Е. Е. Егорова как исторический источник*, опубликованной в данном сборнике.

¹⁶ Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 33, 47.

¹⁷ Богусевич В. А. Литейный мастер Михаил Андреев // Новгородский исторический сборник. Вып. II. Л., 1937. С. 83-104; ОРК... Ч. 1. М., 1977. С. 113-114.

¹⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 2007. С. 444 (*Щепать* и *Щепетить*).

¹⁹ Зуев М. И. Наши казаки.

²⁰ Державин Г. Р. <Последние стихи Державина>, 1816. Цитируется по кн.: Державин Г. Р. Оды. Л., 1985. С. 317.